

Политика выдавливания казахов из внутренней части пограничной линии Оренбургского края во второй четверти XIX века

З.Е. Кабульдинов

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

E-mail: kabuldinov@mail.ru

Аннотация. В статье дана характеристика царской политики по выселению казахов Оренбургского края из внутренней части пограничной линии во второй четверти XIX века. В частности, исследователь показывает систему функционирования билетной системы, введенной в 1817 году для резкого ограничения доступа казахов на внутреннюю сторону. Показан процесс пребывания обедневших казахов в городах Оренбургской губернии. Статья подготовлена на основе письменных и архивных источников и научной литературы нового и новейшего периодов.

Начиная со второй четверти XIX века, царизм несколько ужесточает существующую билетную систему по отношению к казахам, переселяющимся на внутреннюю сторону обширного Оренбургского края. Во-первых, в 1824 году в Младшем жузе была отменена ханская власть и резко была ограничена власть большинства султанов, оставшихся теперь без должностей. Во-вторых, заметно увеличилось переселенческое население приграничной с Младшим жузом Оренбургской губернии [1, 100]. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что ближе к 30-м годам XIX века, по словам Левшина, наметился обратный отток, когда многие байгуши уже сумели, в основном, решить материальные проблемы и имели серьезное намерение вернуться на свою [2, 330].

Даже по словам И. Казанцева «по всей оренбургской линии и прочим нищенство их прекратилось; и разве немощного или калеку встретите просящим милостыню» [3,46].

План по переселению обедневших казахов практически не состоялся. Поэтому надо было ожидать некоторое ужесточение политики царизма в вопросе пропуска казахов на внутреннюю сторону по существующей билетной системе. Например, в 1827 году началась череда запретов казахам кочевать с юртами на внутренней стороне. В этом году Пограничная комиссия предписывала комендантам крепостей, чтобы «кибиток киргизов или отдельных аулов их на внутренней

стороне не было даже и по билетам, но находились бы сии кибитки за границею или при самих домах тех жителей, коими нанимаются киргизы в работники...» [4].

Кстати, справедливости ради надо отметить, что царизм одними ужесточениями ничего путного сделать не мог. Поэтому он иногда под напором просьб казахов и жителей внутренних селений был вынужден несколько смягчать режим пребывания казахов. Например, согласно установленным правилам от 30 декабря 1830 года «на будущее время киргизов со скотом и кибитками на внутреннюю сторону ни под каким видом не перепускать, поставив в обязанность жителям, чтобы нанимающихся употребляли установленным порядком в работу и имели при домах, как выше объяснено. Если же семейство киргиза, нанимающегося в работники, в таком положении, что не может быть оставлено за границею, и киргизец нанят для пастбы скота, то в сем случае дозволить таковому перенести свою кибитку, но со строгою разборчивостью и никак не более одной кибитки не перепускать...» [5]. Как видим, царизм допускал семьи казахов с юртами только в исключительных случаях, но не поддерживал компактное проживание казахов внутри пограничной линии.

В январе 1831 года все коменданты крепостей получили циркулярное распоряжение Оренбургского военного губернатора «О воспрещении самовольного перехода киргизов работников в

степь и обратно на линию», в котором казахам-работникам было категорически запрещено переходить линию обратно в степную сторону до окончания срока найма «в предупреждение возможности занесения киргизами на линию чумы» [6, 75].

2 декабря 1833 года начальник Оренбургского края также циркулярно предписал комендантам Оренбургской линии, Уральской Войсковой Канцелярии и начальнику новоилецкой линии строго наблюдать, чтобы «не были киргизы, не исключая и пастухов, допускаемы на внутреннюю сторону без установленных билетов, хотя бы на самое короткое время» [5, 26 об.].

Но и тогда был взят курс на запрет пропуска казахов целыми аулами, предпочтение отдавалось одиночным работникам. Согласно этим предписаниям, адресованным комендантам крепостей по Оренбургской линии и Уральской войсковой канцелярии, было объявлено: во-первых, «если находятся во вверенной коменданту дистанции киргизы работники с кибитками и скотом, хотя и имели для сего билеты, отобрав от них оные выпроводить их совсем их имуществом за границу» [5, 22-22 об.]. Исключение составляли те казахи, которые по особым разрешениям получали разрешение на зимнюю перезимовку [5, 22 об.].

Во-вторых, было категорически запрещено отдавать казахам свой скот на прокормление жителей внутренних уездов [5, 22 об.]. Как видим, царизм, формально защищая интересы жителей внутренних уездов, в то же время не давал возможности казахам подзаработать как внутри линии, так и вне ее. Это не может не свидетельствовать о колониальной сущности Российской империи.

В-третьих, согласно установленным правилам от 30 декабря 1830 года «на будущее время киргизов со скотом и кибитками на внутреннюю сторону ни под каким видом не пропускать, поставив в обязанность жителям, чтобы нанимающиеся употребляли установленным порядком в работу и имели при домах, как выше объяснено. Если же семейство киргиза, нанимающегося в работники, в таком положении, что не может быть оставлено за границею, и киргизец нанят для пастьбы скота, то в сем случае дозволить таковому перенести свою кибитку, но со строгою разборчивостью и никак не более одной кибитки

не перепускать...» [5, 22 об.-23]. То есть прежние требования не теряли своей законной силы.

В последующее время царизм продолжал политику ужесточения билетной системы, особенно стараясь не допускать пропуска казахов целыми аулами. Например, Оренбургский военный губернатор своим предписанием начальникам линейных дистанций Оренбургского казачьего войска и Уральской войсковой канцелярии от 21 мая 1835 года запретил, чтобы «киргизы под видом пастухов, не переходили на внутреннюю сторону целыми аулами...» [6, 87 об.].

Губернские власти пытались жестко придерживаться вышеназванных правил перехода. Это можно увидеть из предписания Управления Оренбургского военного губернатора управляющему 3-й дистанции войсковому старшине Ваулину от 19 ноября 1835 года: «...чтобы они ни под каким предлогом сами без билетов, а скот без предварительного разрешения и установленного в линейную суммы платы, не пускаемы на внутреннюю сторону, даже временно, на ночь или на день, в противном же случае ... виновные в несоблюдении сего подвергнутся строгому взысканию...» [7].

Несколько изменилась ситуация к 1844 году, когда согласно «Положения об управлении Оренбургскими киргизами» от 14 июня 1844 года, казахам было разрешено переходить на внутреннюю сторону после уплаты плакатного сбора по 15 копеек серебром в месяц для получения билетов [5, 23-23 об.]. Как видим, одним из способов задержки казахов от перехода на внутреннюю сторону было введение уплаты дополнительных сумм в виде плакатных сборов.

В то же время архивные материалы показывают, что казахи на внутренней стороне совершали преступления очень редко, да и те были незначительные, и, как правило, мало доказуемые. Например, на всем протяжении 30-х – начала 50-х годов XIX века «по претензиям жителей Бузулуцкого уезда, состоит в Комиссии на производстве всех дел 33», из которых в 1837 году – 1 дело, 1843 – 3, 1844 – 1, 1846 – 1, 1847 – 1, 1848 – 3, 1849 – 4, 1850 – 2, 1851 – 9, 1852 – 8. Но надо заметить, что, по словам самих же представителей Оренбургской Пограничной комиссии от 9 июня 1852, года «дела эти большею частью заключают в себе одно только подозрение на киргизов в похищении скота» [5, 9-9 об.]. Но

в конце 40-х годов XIX века казахи-работники начали высылаться из уезда ввиду участвовавших подобных, зачастую беспочвенных и бездоказательных жалоб [5,9 об.].

Если на всем протяжении XVIII века случаев чересполосного проживания казахов с башкирами и мещеряками не было ввиду существовавших конфликтов между ними, нередко инспирировавшихся самим царизмом, то к 30-м годам следующего века ситуация в этом плане кардинально меняется. Теперь представители башкиро-мещеряковского войска или кантонные жители, пользуясь тем, что казахов можно использовать в качестве работников, начинают использовать их труд, в основном, для пастьбы своего скота. Но ввиду того, что были замечены отдельные случаи конокрадства со стороны казахов, находящихся среди башкирского населения, 29 октября 1831 года Оренбургский военный губернатор Сухтелен «воспретил допускать киргизов наниматься в пастухи к башкирцам и последним билеты не выдавать» [8].

В следующем 1832 году региональное руководство в этом вопросе сделало еще один шаг, более ужесточающий законодательство о казахах. Сухтелен запретил использовать труд не только казахов-пастухов из степных районов Казахстана, но и тех из них, которые были приписаны в сословие башкир. Это мы видим в его же предписании комендантам крепостей от 15 июля 1832 года: «...объявить жителям...чтобы они особенно приписных из киргизов-башкирцев в пастухи не нанимали, ибо сии выходцы малонадежные, имея в степи связи и родственников, зная совершенно все местности более, находят способы тайно отлучаться и содействовать хищникам в угоне лошадей...» [9]. Казахам было даже запрещено приближаться к пограничной линии на расстояние 70 верст и входить в близкие контакты с башкирами [10, 324-343].

Таким образом, одной из причин уменьшения численности казахов и уменьшения сбора от реализации билетов было безбилетное проживание казахов на внутренней стороне Оренбургского ведомства, и не всегда по вине казахов, видимо, за свое бездействие или «недосмотр» казаки получали от казахов определенную мзду, правда, несколько меньшую, чем в случае официального приобретения билета. Это, кстати, отмечал и сам Начальник Оренбургской Пограничной Комис-

сии в своем докладе Оренбургскому военному губернатору от 6 мая 1847 года: «...год от году распространяющееся земледельчество старолинейцев за Уралом, где владельцы земель имеют всякую возможность находить из киргиз кочующих вблизи их дач, работников без билетов, не вводя их в станицу» [6, 47]. Эти слова лучше всех подтверждают наши доводы и предположения.

В этом отношении вызывает некоторый интерес сам способ провоза контрабандной рабочей силы, который был донельзя очень прост – «...нельзя усомниться и в том, что линейцы берут во время страды пашни и покосы (май июль, август и сентябрь месяцы должны были давать всегда усиленные итоги рабочих) работников без билетов и целыми возами провозят эту контрабанду рано утром, или поздно вечером на свои поля. отстоящие верст на 25 и разбросанные по клочкам... и там держат их до минования работы. Преследовать же и положительно обнаружить это зло, одному нет возможности...» [6, 47]. А обнаружить безбилетного казаха, действительно, даже в самих станицах, отрядах было почти невозможно, так как «отрядный начальник этого не откроет, хозяин не обнаружит своей вины, а соседям его нет надобности обличать своего товарища, потому, что эта же самая ошибка, верно случалась и с каждым из них...» [6, 47 об.].

О том, что со стороны казаков и крестьян существовала тенденция скрывать число отходников, так как в таком случае они не платили деньги за билеты и штрафы, пишет Н.Г. Апполова, исследовавшая проблемы хозяйственных контактов приграничных районов Казахстана и России применительно к новому времени [11, 159].

Если со стороны казаков допускались сплошные нарушения правил билетной системы и наказания были редки и несущественны, то по отношению к казахам царизм принимал самые жесткие меры. В этом, видимо, состояла одна из сторон действительной сущности колониальной политики царизма в национальных окраинах. Подтвердим это на конкретных примерах. Так, один такой случай отмечает Председатель Оренбургской Пограничной Комиссии в своем донесении Оренбургскому военному губернатору от 24 октября 1835 года. По его словам, казах из рода бериш Шайке Биспасов был задержан без билета между городом Уральском и форпостом

Гниловским. За подобный «проступок» Оренбургская Пограничная Комиссия предписала «наказать его Биспасова палками пятьюдесятью ударами и выпроводить за линию со строгим подтверждением... в противном случае отдан будет в солдаты» [12]. Правда, предложение Оренбургской Пограничной Комиссии было несколько смягчено решением Оренбургского военного губернатора – 25 ударами палкой [12,4]. Таких случаев было немало [13].

А экономические выгоды от выдачи билетов за казахов были весьма существенны. По словам Е.Б. Бекмаханова для правительства это было очень выгодным источником пополнения казны, в то же время все станичные чиновники обеспечивались дешевыми рабочими руками. Широко использовался труд байгушей также на рыболовных промыслах в Каспийском море, на соляных и лесных разработках [14].

Билетный сбор имел, в основном, тенденцию постоянного роста. Правда, в некоторые годы он заметно падал, что не могло сразу же не беспокоить региональные власти. В 1818 году билетный сбор составил – 2939 рублей серебром, с 1835 года этот сбор составил более 12 тысяч рублей, в 1839 – 15 948, 1840 – 17 800. Но в 1841 году он составил всего 15 675 рублей 40/5 копеек серебром. В период с 1846 по 1849 годы колебался от 12 000 до 14 тысячи рублей. И только лишь в 1850 году достиг 15 тысячи рублей [5,169].

В-третьих, существовали злоупотребления со стороны лиц, в обязанность которых вменялся сбор билетных денег. А те, которые злоупотребляли, не подвергались наказанию [6,174]. В-четвертых, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что существовало косвенное подчинение казаков Оренбургской Пограничной Комиссии, когда у первых появлялась возможность саботировать решения и предписания Пограничной Комиссии [6,174 об.].

В то же время Войсковая канцелярия, опасаясь «хищничества и беспокойства» со стороны байгушей, пыталось периодически пресекать скопление их на линии. Но заинтересованность казаков в найме дармовой рабочей силы из числа обедневших казахов брала вверх. Царизм не мог не удовлетворить их притязания [11, 158]. Получался замкнутый круг. Пребывание большого числа казахов на российской стороне не выгод-

но, в то же время надо было удовлетворить потребности казачьих хозяйств в дешевой бесправной рабочей силе, каковыми являлись казахи.

Вытеснительная политика царизма по отношению к байгушам была не только на линии, но и на Меновых дворах Оренбурга, Троицка, Орска, так же как и раньше. Основная причина их выселения была та же, они подозревались в пособничестве к грабителям из степных районов Казахстана. Например, Оренбургский военный губернатор от 24 апреля 1847 года писал Оренбургскому городничему, что «по многочисленным опытам уже известно, что киргизские байгуши, нищенствуя здесь в городе, часто употребляют во зло добродушие сострадательных к ним людей и пробираясь тайным образом в городские окрестности, высматривают места положения и удобность хищнического набега, а потом возвращаются в свои кибитки и злонамеренным киргизам служат проводниками в таковом набеге...» [15].

Оренбургский военный губернатор Эссен через Оренбургскую пограничную комиссию приказал отобрать у них билеты и выпроводить за Урал. Но, испытывая жалость к ним до открытия торга на Меновом дворе разрешил байгушам 2 раза в неделю (по средам и субботам – 3.К.) от 8 часов утра до 4 часов вечера приходить в город для покупки хлеба. Они должны были находиться в сопровождении старшин и иметь при себе билеты [15,3].

Политику по выселению байгушей хорошо можно увидеть на примере Троицкого менового двора. Здесь, в основном, находились казахи, приписанные к 20-й дистанции, которые в зимнее время кочевали рядом с городом по реке Югу. Но в лето 1850 года по требованию Троицких таможенных властей были удалены «на довольно неудобное к кочеванию по дальнему расстоянию от воды и от Менового двора» [16].

Общая численность казахов-байгушей, кочевавших только в районе города Троицка, составляла около 964 хозяйств, из которых потенциально к своим родственникам могли откочевать только половина из них, а остальные хотели, как и прежде, зимовать на облюбованном ими таможенном участке [16,1 об.-2].

При выселении таможенные власти руководствовались рядом обстоятельств: во-первых, они считали, что казахи могли заниматься кон-

трабандной торговлей с жителями внутренних округов; во-вторых, они ожидали от них нападений на меновой двор; наконец, они пытались «сберечь» выпаса вокруг менового двора от пастьбы казахского скота, привозимого на мену. При этом они ссылались, в основном, на определение Правительствующего Сената от 1752 года. Но Оренбургская пограничная Комиссия от 6 октября 1850 года, пытаясь как-то защитить интересы подведомственных себе казахов, писала Оренбургскому военному губернатору: «...бывшие за сто лет назад шалости киргиз, ныне уже не ведут их...» [16,2]. С чем, конечно, нам трудно не согласиться.

Жители внутренних селений должны были за подобное приглашение платить пограничным властям денежные суммы в следующих размерах: с овец – по 2 копейки, за рогатый скот – 5, лошадей – 10, верблюдов – 25 [9,78-78 об.].

В последующие годы Оренбургский военный губернатор старался брать под личный контроль процесс временного перехода казахов со скотом на внутреннюю сторону. Это видно из циркулярного предписания комендантам крепостей в октябре 1834 года: «...всякий раз по изъявлении киргизами желаний на взаимных условиях с линейными жителями перегнать скот для тебеневки, ГГ. коменданты обязаны предварительно испрашивать моего разрешения объясняя: какие киргизы, с каким числом скота, при скольких пастьбах, на чьих дачах намерены иметь тебеневку» [6,86].

В начале 40-х годов XIX века поднялась проблема необходимости запрета пропускать казахов без таможенного досмотра на внутреннюю сторону по причине возможного несанкционированного торгового казахов внутри линии. Она была инициирована опять же оренбургскими таможенными властями [17]. Конечно, эти обстоятельства не могли не привести к сокращению перехода казахов на внутреннюю сторону даже на временных условиях, и, в конечном счете, они повлияли на формирование численности казахского населения на внутренней стороне линии.

Но казахи использовали любую возможность пройти на внутреннюю сторону в районы их бывших традиционных кочевий. Иногда нанимались на самые непопулярные работы, такие, как добыча соли, где обычно работали только заключенные. Скажем, с этой целью они прорывались

на территорию недавно образованного Новоилецкого района Оренбургской губернии. Здесь царизм делал ставку на то, чтобы со временем заменить ссыльных рабочих на казахов «бедного состояния». А желающие пойти на малопрестижную и тяжелую и изнурительную работу среди казахов были, в основном, бедного состояния. Большинство казахских хозяйств рассматривали наем на соленые промыслы как один из главных «законных» способов перехода на внутреннюю сторону, чтобы вернуться на свои традиционные земли, отобранные царизмом в 1810 году. Не на последнем месте было и желание их поправить пошатнувшее материальное положение. Об этом свидетельствует представление Управляющего «экспедицией Илецкого соляного промысла» Краснокутского в адрес генерала Волконского от 2 октября 1814 года: «...некоторые из киргизцев бедного состояния, не находя себе дневного пропитания, охотно соглашаются производить казенные работы, из поденной платы...» [18].

Таким образом, вторая четверть XIX века охарактеризовалась тем, что царизм перешел к политике ужесточения правил перехода казахов на внутреннюю сторону линии. Это касалось всех категорий казахов, и тех, кто перешел на жительство среди башкир, и тех, кто находился в районе Меновых дворов, а также и тех, кто находился временно на зимней кочевке или просто в работниках у других жителей. Этим объясняется суть проводимой царизмом колониальной политики, в основе которого лежало желание царизма не допустить на внутренней стороне компактно расселения казахского населения.

Литература

1. *Футорянский Л.И.* История Оренбуржья: учебное пособие. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996. – 351 с.
2. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
3. *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. – СПб., 1867. – 231 с.
4. ГАОрО. ф.6. оп.10. д.3242. Л.3.
5. ГАОрО. ф.6. оп.10. д.6653. Л.22об.-23.
6. ГАОрО. ф.6. оп.10. д.5645. Л.97-99.
7. ГАОрО. ф.6. оп.10. д.4337. Л.4.
8. ГАОрО. ф.6. оп.10. д.4595/1. Л.8.

9. ГАОрО. ф.6. оп.10. д.5613. Л.77.
10. *Султангалиева Г.С.* Роль отходничества в развитии взаимоотношений казахов с народами приграничных регионов (XIX-начале XX вв.) //Казахстан и мировое сообщество. Материалы Международной конференции «Казахстан и мировое сообщество» 25-26 мая 2001 года. – Алматы, 2001. – С. 342-344.
11. *Аполова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI первой половине XIX веков. – М.: Наука, 1976. 371 с.
12. ГАОрО. ф.6. оп.7. д.781. Л.1-3.
13. ГАОрО. ф.6. оп.10. д.4335. Л.1-3.
14. *Бекмаханов Е.Б.* Казахстан в 20-40-е годы XIX века. – Алма-Ата, 1992. 327 с. (133)
15. ГАОрО. ф.6. оп.10. д.5895/ж. Л.1-2.
16. ГАОрО. ф.6. оп.10. д.6384. Л.1-1об.
17. ГАОрО. ф.6. оп.10. д.5517. Л.1-2об.
18. ГАОрО. ф.6. оп.10. д.1206. Л.1-1об.

З.Е. Қабылдинов

Қазақтарды Орынбор шептерінен қуу саясаты. XIX ғ. екінші жартысы

Бұл мақалада XIX ғасырдың екінші ширегіндегі патша үкіметінің Орынбор өлкесінен Кіші жүз қазақтарының ығыстыру саясаты зерттеледі. Мысалы, автор 1817 жылы патша үкіметі енгізген билеттік жүйе қазақтардың Орынбор губерниясына кіргізуі үшін жасалған саясатты зерттейді. Орынбор өлкесінің іш жағында өмір сүрген кедейленген қазақтардың қалаларда жүру тәртібі көрсетілген. Еңбек жазба және мұрағат деректер, жаңа және қазіргі кезеңнің ғылыми әдебиеттер негізінде дайындалған.

Z.E. Kabuldinov

Policy extrusion kazakhs from the inside of the boundary line of Orenburg region of the XIX n the second quarter of the XIX century

This article describes the imperial policy of expulsion of Kazakhs of the Orenburg edge of the inner part of the boundary line in the second quarter of the XIX century. In particular, the research shows the system functioning ticketing system introduced in 1817 to dramatically ogranichneniya access to the inner side of the Kazakhs. The process of host cities in the impoverished Kazakh Orenburg province. Paper is based on new archival materials and is addressed to specialists in the new period of national history.